

Игра в Достоевского

Придя на спектакль театра "АПАРТЕ", вы заведомо становитесь участником игры, поэтому лучше сразу же купите программку и ознакомьтесь с правилами. Впрочем, вы рискуете быть лишь немного обитым с толка, но ни в коем случае не проигравшим. Поэтому, вероятно, игры и шарады, которые затевают актеры театра Андрея Любимова для детей в спектакле по пьесе Ксении Драгунской "Все мальчишки — дураки" вызывают бурный восторг у взрослых. По сути дела, это — представление для всех: для ребят — о взрослых, для взрослых — о детях. В нем нет быстро устаревающих и становящихся непонятными примет времени, он доступен всем, просто каждый воспринимает его по-своему, относит все загадки и забавные открытия именно к своему собственному детству. Безусловно интересна трактовка русской классики. В сравнительно небольшом репертуаре театра — два спектакля по произведениям Достоевского. Каждый из них разработка определенного жанра, своего рода диалог с автором, причем диалог живой, предугадать ход которого практически невозможно.

"По поводу мокрого снега" — "монолог на троих" — поставлен на основе "Записок из подполья", "Иван и Черт" — серьезный фарс по тексту романа "Братья Карамазовы" в инсценировке А. Бородин.

В программах спектаклей мы обнаруживаем незатейливое повествование о зверском убийстве Карамазова-папы или перечислении несуществующих в действительности отцов о спектаклях, почерпнутых из изданий

вроде "Инженно и травести", "Санкт-Петербург цайтунг" или "Патология театра". Перечитывая эти описания и заведомо принимая правила игры, вы, вероятно, получите огромное удовольствие и приятно развлечетесь. Но, попав в темное, замкнутое пространство малого зала театра "Около дома Станиславского", где, как правило, играют спектакли "АПАРТЕ", столкнетесь с чем-то настораживающим и неясным, словно нечто давно знакомое, известное вывернули наизнанку, представили в непривычном, и оттого пугающем виде. В спектакле "Иван и Черт" среди подвешенных на крюки яблочек, пучков сухих цветов и попеременно то вспыхивающих, то гаснущих электрических лампочек будут расхаживать, гримасничать, дурачиться, страдать и смеяться трое людей, "произносящих текст", как обозначено там же, в программе, за Лизу (М. Козлова), за Ивана (Д. Дежин), за Алешу, Смердякова и Черта (А. Орловский). В спектакле "По поводу мокрого снега" те же трое представляют трагедию маленького человека, срывающегося, одну за другой, приворачивая к нему шинели. Лишь личности, лишены характеристик, совершающей абсурдные поступки лишь для того, чтобы не пока-

заться банальной, оказывается удивительно созвучным нынешнему времени рубежа веков, когда барьер между размышлением и действием становится особенно опутным. Подпольный человек берется за перо, пытается исповедаться, но повод для написания исповеди ничтожен и странен — бесконечный, мокрый снег. Перед нами — своего рода антиисповедь, наказание. Героя обступают видения, плоды собственного его большого воображения. Каждая очередная фантазия представляется в спектакле как отдельная сцена. Воспоминания и желания на время реализуются, приобретают плоть и кровь, так что герой может беседовать с ними, спорить, доказывать свою правоту. Но вот, прежний образ, сменяется следующим, воображение прорывает все новые и новые ситуации. Желая быть непредсказуемым, оригинальным, подпольный человек исчезает, сам становится лишь фантазией, перестает интересовать окружающих.

Подтрунивая над самым сокровенным, превращая все чувства человеческие в пародию на самих себя, осмеивая потаенные стороны души, эти трое создают мир вывернутый и болезненный, полный напряженной иронии и горькой усмешки, мрачный и зло-

бующий, но ждущий очищения. С текстом романов Достоевского здесь обращаются бережно, отводя им определенное место в контексте эпохи, поэтому, возможно, спектакль "Иван и Черт" играется между свисающими сверху томиками Л. Толстого и А. Чехова, в "По поводу мокрого снега" находим явные аллюзии из гоголевской "Шинели" и пушкинского "Выстрела", что тоже погружает зрителя в определенное культурное пространство. Вернее, в пространство игровое, где все расставлено по своим местам, и Федор Михайлович Достоевский тоже лишь соавтор и один из участников. Здесь можно примерить чужую маску. Так, Алеша превращается в Смердякова, а тот — в беседующего с Иваном Черта. Играючи, герои Достоевского ищут истину, но она нематериальная и неуловима, поэтому их удел — искать ее в снах, болезненных видениях и галлюцинациях, под надзором фантомов и черт. Каламбуры и насмешки загадочной троицы оказываются страшными и опасными, а изысканность и внешняя легкость спектаклей лишь усиливает ощущение нереальности всего происходящего, предельно сближает трагическое и комическое.

Так что игра, даже после представления всех ее участников и знакомства с ее положениями готовит массу неожиданностей, которых, впрочем, остерегаться не стоит, ведь из игры всегда можно выйти. Но не будет ли это признанием собственного поражения?

Светлана РЫБИНА